гиональный законодатель словно бы стремится создать «улучшенную местную редакцию» федерального закона, действующую в отдельно взятом субъекте Федерации [3].

Другие регионы предпочли не заниматься переписыванием федерального закона, а сосредоточились на регулировании только тех вопросов, которые действительно находятся в их компетенции. Само наименование их актов – «О некоторых вопросах гражданской службы», «О регулировании отношений в области гражданской службы», «Об особенностях организации и правового регулирования гражданской службы» указывает на то, что они не претендуют на роль всеобъемлющего регулятора региональной гражданской службы.

Для правоприменительной практики важным является вопрос о соотношении федеральных и региональных норм в сфере гражданской службы и путях разрешения коллизий, поскольку зачастую федеральный законодатель расширительно толкует свои полномочия и вторгается в сферу компетенции субъектов Федерации. Однако в федеральных законах от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ и от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ, в отличие от многих федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, не установлена иерархия нормативных правовых актов и, в частности нормы, имеющие принципиальное значение для субъектов Российской Федерации, такие как соотношение положений законов субъектов Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, нормативных правовых актов государственных органов. В этой связи С.В. Качушкин отмечает, что федеральный закон о государственной гражданской службе нуждается в установлении более четкой иерархии федеральных и региональных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы государственной гражданской службы [5].

В связи с тем что государственная служба Российской Федерации – единая общегосударственная система, в научной литературе высказывалось мнение, что для ее эффективного функционирования, устойчивого и равномерного развития необходима общая стратегия развития, постоянная координация усилий центра и регионов, консолидация ресурсов. Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на развитии гражданской службы проблемных регионов, которые испытывают дефицит в высококвалифицированных кадрах, бюджетных средствах, не имеют возможностей или побудительных мотивов для активизации процессов реформирования гражданской службы. Для решения данной задачи А.В. Гусев предлагает разработать специальную федеральную целевую программу содействия реформированию гражданской службы субъектов Российской Федерации [3]. Однако реализация подобного предложения, на наш взгляд, имеет определенные сложности, ввиду того, что действующее бюджетное законодательство исключает возможность финансирования подобной программы из федерального бюджета.

Вместе с тем в настоящее время вопросы кадрового обеспечения государственной гражданской службы всех уровней предполагается решить в рамках Программы формирования резерва управленческих кадров. В целях координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований по вопросам, связанным с отбором, подготовкой, переподготовкой и выдвижением участников указанной Программы, Указом Президента Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 12521 была создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров [6].

В настоящее время осуществляется подготовка соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих комплекс мер по обеспечению формирования резерва управленческих кадров.

Литература

1. Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
2. Служебное право (государственная гражданская служба) / под общей редакцией проф. Барцица И.Н. и доц. Догадайло Ю.Р. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2005. С.16.
3. *Гусев А.В.* Проблемы реформирования законодательства о государственной гражданской службе субъектов РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 8.
4. Комментарий к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В.А. Козбаненко. СПб.: ООО «Питер Пресс», 2008. С.38.
5. *Качушкин С.В.* Соотношение полномочий органов государственной власти в сфере нормативного правового регулирования государственной гражданской службы // Право и политика. 2007. № 9.
6. Собрание законодательства РФ. 2008. № 35. Ст. 4010.

ЧТО ПРИБЫЛЬНО, ТО МОРАЛЬНО? ЭТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАССМЕДИЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Гульфиза НУРУЛЛИНА

– старший преподаватель кафедры журналистики филиала Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина в г. Набережные Челны

В перечне вызовов современности российское государство получило ситуацию хаоса-порядка в информационной сфере жизнедеятельности общества. И это не случайность: в период трансформации социума серьезные изменения (как позитивные, так и негативные) претерпевает присущая массовой коммуникации коррекционная система механизмов внешней регуляции и внутренней саморегуляции. Разумеется, доминантная цель в работе этих механизмов в принципе остается неизменной: в самом общем виде она заключается в том, чтобы основной субъект информационной деятельности – журналистика – в рамках формируемой ею массмедийной политики не наносила вред (из благих или злых намерений) политическим, экономическим, нравственным основам породившего ее общества.

Между тем журналистская практика последнего 15-летия в России изобилует многочисленными примерами противоположного характера, когда в условиях информационного рынка производится эксплуатация политического ресурса прессы и совершается гипертрофия маркетинговых ее свойств. Подверженная рыночному фундаментализму (термин Д. Стиглица), отечественная пресса непрерывным производством большого объема деструктивной медиапродукции вызывает дополнительную напряженность в отношениях между влас-

тью и народом и негативно воздействует на общественную и индивидуальную мораль и психику.

В теории демократическое общество с помощью государства возлагает на все структуры и институты, связанные с духовно-практической сферой социального воспроизводства, обязанность поддерживать на должном уровне психическое и нравственное здоровье граждан. В частности, за журналистами «общество признает право говорить от его, общества, имени, а взамен требует или, по крайней мере, предполагает, что журналисты будут распоряжаться этим правом ответственно, то есть: не лгать, точно излагать факты, соразмерять общественную значимость с тем, как его подают в СМИ» [1].

И в этом смысле журналистика, совершающая непрерывное информационно-политическое воздействие на социальную среду, ничем существенным не отличается от других видов профессиональной деятельности гуманитарного толка (например учительства или врачевания), «обреченных» на постоянную внешнюю и внутреннюю коррекцию используемой идеологии и технологии.

Однако социально-информациологическая экстраполяция коррекционных механизмов на современную политизированную и «экономизированную» журналистскую практику, которая изобилует наглядными примерами пренебрежения работников массмедиа нормами общественной морали, позволяет сделать вывод о том, что в противовес профессиональной этике (позитивное) в информационном пространстве России формируется контрэтика (негативное). И она получает в настоящее время развернутое обоснование в качестве социально-эволюционной неизбежности в публичных выступлениях своих радикально настроенных представителей: «Информация продается и покупается, трактовка информации продается и покупается, это естественно» [2].

Конечно, с тезисом о «естественности» товарно-денежного чистогана в журналистской деятельности нельзя согласиться – при том, что весьма авторитетные теоретики и практики отечественной и зарубежной прессы утверждают в политико-нравственном смысле прямо противоположное, например: «…главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом» [3] или: «нельзя, чтобы журналист менял свои взгляды, сообразуясь с материальной выгодой» [4].

Отсюда возникает в современной журналистской деятельности социально-этическая коллизия духовного и материального (нравственного и маркетингового), которая находит для себя питательную почву в результате:

- во-первых, постоянно совершающейся конфронтации в рыночной массовой коммуникации между нормативными (этическими) правилами и ненормативными (контрэтическими) аномалиями профессионального поведения журналистов, что уменьшает действенный потенциал социально-политического дискурса «власть – народ»;

- во-вторых, недостаточного объема и уровня теоретических исследований этического феномена массовой коммуникации, устанавливающих причины нравственных конфликтов в политизированной и «экономизированной» журналистике и выдающих практические рекомендации по их разрешению и предотвращению.

Эта коллизия способна разрешиться лишь при условии нейтрализации деструктивного влияния на общественное бытие и общественное сознание этически-амбивалентной журналистики, в первую очередь, посредством реализации целей и задач государственной информационной политики. Она должна включать в себя социально-контрольные (бесцензурные) средства аксиологического характера (экспертный инструментарий для госслужащих, мониторинговый комплекс для анализа прессы всех уровней, матрица качества журналистского произведения, шкала этико-правовых показателей работы издания, система материального поощрения и наказания СМИ за соблюдение и нарушение законов и кодексов и т.д.), дополняемые корпоративными механизмами (суд профессиональной чести, отлучение от творческого коллектива, исключение из журналистского сообщества и др.).

В настоящее время гуманитарная наука испытывает настоятельную потребность в теоретической разработке концепции этической амбивалентности журналистики в переходном обществе в сопоставлении с ее миссионерской (социально-функциональной) ролью в формате классической воспроизводственной дихотомии «добро – зло» и «правда – ложь», актуальность которой в постсоветские годы была значительно принижена в общественном мнении.

Эта потребность, в первую очередь, обусловливается тем, что в условиях постиндустриального общества для любого человека «действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» [5]. Последняя же, особенно распространяемая в массовой коммуникации, с точки зрения «правильности» обнаруживает свою структурно-функциональную недостаточность для точной идентификации большинства граждан в онтологических сложностях переменного характера.

Одна из таких сложностей, порожденных синергийной цикличностью социальной формы движения материи, – это ничем не сдерживаемая экспансия рыночного фундаментализма, принципы которого безраздельно доминируют в большинстве сфер жизнедеятельности переходного общества, независимо от их объекта или предмета (материального или духовного), в тот момент, когда «влияние средств массовой информации на судьбы мира становится решающим – от них во многом зависит направление развития цивилизации» [6].

В результате этой экспансии происходит общее снижение защитного порога этико-правовых механизмов социального контроля, которые обеспечивают устойчивость нравственных основ бытия и сознания общества, что приводит к ослаблению профессиональной морали в духовно-практических секторах системы социального воспроизводства. В этот ряд вписывается и современная журналистская деятельность – не только позитивно модернизированная, но и негативно деформированная стихийным приходом информационного рынка.

Поменявшая лик новомодная пресса с одинаковой интенсивностью (частотностью) демонстрирует способность работать как во благо, так и во зло содержащему ее обществу, которое может до поры до времени мириться с вредоносными для нее информационными действиями.

Тем самым в общественной атмосфере постепенно создается благодатная (фактически бесконтрольная) почва для становления, развития и утверждения этической амбивалентности журналистской деятельности. В этом случае она неизбежно утрачивает многое из собственного социально-генного (сущностно-функционального) набора позитивных целей и средств познания и преобразования окружающей действительности. И самое главное – освобождает себя от миссионерского табу на массовое производство безнравственности, что не может негативно не сказаться на прямой и обратной связи прессы с аудиторией и, далее, власти с народом.

В итоге фиксируется устойчивая характеристика современной журналистики в условиях информационного рынка, для обозначения которой вводится в научный оборот термин – «этическая амбивалентность прессы». Он означает равноудаленность производителя и распространителя медиапродукции от антонимичных составляющих в классической дихотомии «добро – зло» и «правда – ложь», что изначально подвергает значительному риску необходимую для общества устойчивость нравственных основ бытия и сознания массового потребителя информации.

В первую очередь глубокой ревизии в массмедийной политике подвергается нравственно-тематический повод для журналистского выступления. В настоящее

время на передний план в прессе вышли эпатажные и аномальные сюжеты. В результате качественные признаки и свойства современного медиатекста отличаются постепенным сползанием факта, понятия, образа публицистики от конструктивного к неконструктивному и, далее, к деструктивному модусам. При этом стиль изложения в тексте из выдержанного превращается в ернический и даже «расхристанный», что нередко выносится даже в названия публикаций.

Государство не может не реагировать на то, что в настоящее время в медиа-сфере с наглядной безусловностью доминирует институт политизированной и «экономизированной» журналистики, поскольку в ее основании – идеологических посылках и технологических средствах – лежит рыночная философия. Следование на практике принципам этой философии означает гипертрофию товарных отношений в одной из духовных отраслей социального воспроизводства.

В этом случае журналистика как миссионерская профессия с обретением тотальной товарности рискует потерять даже зачатки первородной духовности - при этом она в своей корпоративной среде постепенно фетишизирует получаемую прибыль от периодического издания как единственно верный показатель социально-творческого успеха. А затем переносит его действие на общественную среду, фактически превращаясь в ниспровергателя высокой нравственности с помощью расхожего тезиса: то, что прибыльно – морально, а то, что убыточно – аморально.

Де-факто зафиксированные журналистские аномалии порождают в социально-психологическом плане как позитивные, так и негативные рабочие установки. Этическая амбивалентность политизированной и «экономизированной» прессы характеризуется раздвоением морально-профессионального единства: на принципы этики накладываются аналоги контрэтики, факторы и явления которой формируются объективными и субъективными основаниями рыночного фундаментализма. Контрэтика в журналистике является идеологически-технологическим феноменом, нивелирующим и даже разрушающим базовые информационно-коммуникативные предпосылки самосохранения и развития социума, поскольку она противостоит общественной морали в целом.

В рамках научной рефлексии можно терминологически определить контрэтику в качестве негативно аргументированного «рыночной» философией и апробированного маркетинговой практикой свода устойчивых (повторяющихся) методов, способов, приемов массмедийной деятельности, противонацеленных по отношению к традиционным (миссионерским) постулатам журналистской этики.

Правда, этическая амбивалентность массмедиа не представляет собой полного отказа журналистов от классических (миссионерских) норм профессиональной морали. Но на деле она допускает существенную их коррекцию в сторону отступления от общечеловеческих ценностей, что неизбежно легализует едва ли не равноправное сосуществование в публичной сфере морального и аморального начал. И в основе массмедийной контрэтики, индуцированной рыночным фундаментализмом, находятся две составляющие – идеологическая и технологическая.

1. Идеологическая составляющая формируется постулатами рыночной философии в журналистике, позволяющей допускать забвение (небрежение, непонимание) миссионерской роли прессы. В результате в ее поле максимизируется (абсолютизируется) принцип свободы слова как возможность говорить публично все, что заблагорассудится. И, наоборот, минимизируется принцип ответственности за публично сказанное и показанное как «маскируемый» вариант пресловутой цензуры, вопреки цивилизационно-диалектическому сочетанию этих принципов: «Свобода печати не означает разнузданности и злоупотребления. Свобода совести не означает освобождения от совести. Свобода слова не означает беспрепятственной мерзости… Свобода печати – это прекрасное право публично поведать о том, что знаешь лучше всего, и преподнести общественности то лучшее, чего хочешь более всего» [7].

2. Технологическая составляющая формируется журналистским произволом, который отступает от традиционного морально-правового модуса поведения производителя социально значимой информации, распространяемой по каналам массовой коммуникации, вопреки мнениям ученых и специалистов медиа-сферы: «Не просто этически сомнительно, но попросту недопустимо пребывание журналиста в роли сутенера. Не особенно красиво в этическом плане выглядят «внедрения» в среду профессиональных нищих, нелегальные пересечения границ в роли контрабандистов и прочие приключения интереса читателя ради» [8].

Усвоение добытой неправедным (аморальным) путем информации снижает уровень иммунитета к публичному деструктиву безнравственности у потребителя данной информации, к тому же не обладающего высоким уровнем медиа-образованности, необходимой для точной ориентации в безбрежном плюрализме информационного рынка. А «контрэтическое» поведение журналиста уже начинает претендовать на статус профессионально-нравственной нормы, в противовес всем общепринятым этическим кодексам, хартиям, канонам, декларациям.

Индуцированный контрэтикой журналистский произвол (термин из бытового ряда переводится в научный) является формой непрофессионального поведения работника прессы в прямом или дистанционном общении с массовой аудиторией, а также в текстуальном оформлении собранного материала с авторскими оценками и выводами, при которой и контакты с людьми, и оформление текста не согласуются ни с нормами морали, ни с интересами общества: «Журналистика, ведущая себя «бесстыдно», проникнутая «пренебрежением к нормам общественной морали», – тяжелый случай замещения профессии суррогатом маргинального характера» [9].

Таким образом, еще один вызов современности стоит перед российским государством – его информационной политике, изначально нацеленной на обеспечение успешного проведения цивилизованных реформ, основательно мешает этическая амбивалентность отечественной журналистики как главного игрока на информационно-коммуникативном поле переходного общества. Власть не будет истинной властью, если не примет и этот вызов. И сделает все (материальное и духовное) для того, чтобы с ним успешно справиться.

Литература

1. *Третьяков В.Т.* Как стать знаменитым журналистом. М., 2004. С.584.
2. *Пархоменко С.Б.* Журналистика прошлого и настоящего – две разные профессии / Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000. С.390.
3. *Маркс К.* Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С.81.
4. *Засурский Я.Н.* Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества / Средства массовой информации России. М., 2005. С.15.
5. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М., 1983. С.55.
6. *Свитич Л.Г.* Феномен журнализма. М., 2000. С.4.
7. *Ильин И.А.* О свободе печати / Собр. соч.: Справедливость или равенство? М., 2006. С.203-204.
8. *Шостак М.И.* Репортер: профессионализм и этика. М., 2001. С.136.
9. *Казаков Ю.В.* На пути к профессиональному. Российский медиа-этос как территория поиска. М., 2001. С.20.